

— Первые двадцать лет жизни старшая сестра посвятила практике, мало сталкивалась с миром, и впервые встретив человека, готового ради неё пожертвовать жизнью, влюбилась. Они быстро сблизились, полюбили друг друга и хотели стать даосской парой. Этого человека звали Лян Цзинлань.

Лян Цзинь тихо слушала, как Чэнь Юй медленно рассказывала историю, и, когда та произнесла имя Лян Цзинланя, ей показалось, что Чэнь Юй слегка нахмурилась, но через мгновение её лицо снова стало спокойным, будто это было лишь иллюзией.

— Старшая сестра привела Лян Цзинланя в секту, чтобы попросить учителя стать свидетелем их союза, но не ожидала, что учитель сразу увидит: Лян Цзинлань не был последователем ортодоксального пути, в нём скрывалась демоническая ци, и он не позволил им пожениться. Старшая сестра, всегда мягкая и покладистая, на этот раз вступила в спор с учителем.

— Возможно, учитель тоже был вне себя от гнева и сказал, что даёт ей два выбора: либо порвать все связи с Лян Цзинланем, либо отказаться от своей практики и уйти из Секты Линъюнь вместе с ним.

Лян Цзинь с изумлением расширила глаза, не ожидая, что Лин Цанцюн мог сказать такое. И ей не нужно было спрашивать, чтобы понять, какой выбор сделала тогда Лин Сюэ-эр.

Конечно, слова Чэнь Юй подтвердили её догадки:

— Никто не ожидал, что всегда покорная старшая сестра на этот раз проявила невероятную решимость. Не сказав ни слова, она сама разрушила свои меридианы, поклонилась учителю девять раз и ушла с Лян Цзинланем с горы, после чего поселилась в Деревне Старой Софоры.

Чэнь Юй говорила, непроизвольно опуская веки, её глаза были словно глубокий, бездонный пруд, отражающий мерцающие волны, подобно облакам и воде.

— Я всегда была близка со старшей сестрой, я не могла остановить её выбор и не имела права судить, была ли она права или нет. Но я думала, что если она будет счастлива, то всё будет хорошо. Я лишь сожалела, почему учитель дал ей такой выбор. Лишившись своей практики, как она могла быть в безопасности после спуска с горы?

— Хотя учитель давно пожалел об этом и не раз тайно посещал Деревню Старой Софоры, чтобы проверить, как поживает старшая сестра, он был главой секты, и его слова, как пролитая вода, не могли быть взяты обратно. Он мог лишь позволить старшей сестре жить тихой и спокойной жизнью с Лян Цзинланем вдали от секты. Если бы она прожила так всю жизнь, это было бы неплохо.

— Но в мире есть одна истина, в которую невозможно не верить: чем больше человек ищет спокойствия, тем меньше он его находит. Три года назад демонические заклинатели из Врат Ушэн Древнего города Хэфэн ворвались в Деревню Старой Софоры, преследуя Лян Цзинланя. Битва охватила всю деревню, и старшая сестра, не имевшая сил защитить себя, погибла в этой схватке.

Голос Чэнь Юй начал дрожать, её рука на кровати непроизвольно сжалась в кулак, и Лян Цзинь ясно чувствовала боль и ненависть в её сердце:

— Лян Цзинлань оказался демоническим заклинателем, он был младшим сыном главы Врат Ушэн Древнего города Хэфэн. Проиграв борьбу за власть своему старшему брату, он бежал в Линьфэн, где его спасла старшая сестра. Он скрывал своё имя, пытаясь избежать конфликтов в

секте, но в итоге всё равно погубил старшую сестру.

— В тот день я была внизу с Лян Хао, занимаясь набором новых учеников, и вдруг услышала звук Золотого колокольчика ласточки. Я сразу же поспешила туда, но опоздала. Я убила всех, кто пришёл искать его, Лян Цзинлань встал передо мной на колени, полный раскаяния, но я не могла его простить. В гневе я убила его мечом.

Чэнь Юй замолчала, посмотрев на Лян Цзинь, и, к её удивлению, выражение лица Лян Цзинь было необычайно спокойным. Увидев взгляд Чэнь Юй, она опустила глаза и с сожалением вздохнула:

— Поэтому учитель не может простить отца, обманувшего маму, не может простить главу секты, заставившего маму отказаться от практики, и не может простить себя за то, что не успел спасти её.

Боль и сожаление, скрытые в сердце Чэнь Юй, были раскрыты словами Лян Цзинь. Хотя она уже была готова рассказать правду Лян Цзинь, когда все воспоминания всплыли на поверхность, боль и усталость в её глазах было не скрыть. В замешательстве две слезы неожиданно покатались по её щекам.

Лян Цзинь впервые видела, как плачет Чэнь Юй. Эти прозрачные слёзы стекали по её коже, белой, как нефрит, и падали на её руку, тёплые, но одновременно вызывающие бесконечную жалость.

Эта женщина была её учителем, и Лян Цзинь наконец поняла, почему Чэнь Юй так хорошо к ней относится. Она не знала, были ли у Чэнь Юй такие же чувства к её матери, как у неё к Цин Шуан, но она понимала, насколько мучительна и безнадежна боль, когда не можешь спасти того, кто тебе дорог.

Потому что она сама пережила эту мучительную боль.

Сдерживая боль от ран по всему телу, она положила свою руку на руку Чэнь Юй и искренне сказала:

— Учитель, умершие ушли, и нельзя всю жизнь жить в тени прошлого. Думаю, если бы мама видела, как вы страдаете, ей было бы больно.

— Силы человека ограничены, мир непостоянен, карма неопределённа, и это не ваша вина. Теперь, когда колокольчик разбит, не мучайте себя, позвольте прошлому исчезнуть.

Когда слёзы упали, тяжёлый груз, который она несла столько лет, чудесным образом стал легче. Она видела, как Лян Цзинь, ещё совсем ребёнок, старается утешить её, и её печаль и горе неожиданно рассеялись, как будто, как она сказала, прошлое действительно исчезло.

Чэнь Юй сквозь слёзы улыбнулась, и Лян Цзинь вовремя протянула рукав своей одежды. Чэнь Юй, не стесняясь, изящно вытерла слёзы с лица рукавом Лян Цзинь, а затем встала:

— Уже поздно. Что ты хочешь сегодня поесть? Я приготовлю.

Лян Цзинь загорелась:

— Я хочу жареную курицу, жареного гуся и жареную свиную ножку! И ещё немного вина!

Чэнь Юй слегка напряглась, её лицо выразило досаду, и она с сожалением вздохнула:

— Ладно, будешь есть овощную кашу.

Сказав это, она вышла из комнаты, не оглядываясь, и закрыла за собой дверь.

Лян Цзинь с гримасой прислонилась к изголовью кровати, размышляя, почему Чэнь Юй вдруг передумала, ведь она обещала приготовить всё, что та захочет.

Прошло ещё два месяца, Лян Цзинь выздоровела, и Цинь Фэн пришёл навестить её в Обитель Юйжуй. Только тогда она узнала, что за эти месяцы в Секте Линъюнь произошли огромные перемены.

Лин Цанхай, объединившись с Лин Даоцзы, сражался с Лин Цанцюном на горе Цзыюнь, но в итоге проиграл и был убит мечом Лин Цанцюна. Глава Внешней секты предал и был уничтожен, а члены Внешней секты находились в панике, ведь, кроме Лин Даоцзы и Лин Цанхая, среди старших мастеров Внешней секты не было тех, кто достиг уровня Закалки тела.

Лин Цанцюн назначил Лин Цзяньхуэя главой Внешней секты, который подчинялся непосредственно ему, очистил обе секты, уничтожил предателей и быстро навёл порядок во всей Секте Линъюнь с железной рукой.

Говорили, что Лин Цанцюн действовал с разрешения древнего предка.

Среди новобранцев, набранных за это время, было несколько талантливых, включая юношу Чжэн Ху, который уже стал зарегистрированным учеником и попал в Поместье Тинцзянь.

Лин Цанцюн объявил указ о закрытии секты: в течение года ученикам запрещалось спускаться с горы для тренировок, в течение пяти лет не будет набора новых учеников, все ученики, находящиеся на тренировках за пределами секты, должны вернуться, а все ученики Внутренней секты будут проходить экзамен в конце года, и только те, кто сдаст, смогут снова спуститься с горы.

Секта Линъюнь была закрыта на пять лет. После битвы между главами Внутренней и Внешней сект всем ученикам Внутренней секты, не достигшим третьего уровня Закладки основания, запрещалось спускаться с горы для тренировок. Лян Цзинь воспользовалась этим временем, чтобы углубиться в практику. Хотя она узнала, что Лин Цанцюн — её дед по материнской линии, она не видела его после пробуждения. Возможно, он всё ещё чувствовал вину, и встреча с ней напомнила бы ему о его покойной дочери, поэтому он не вызывал её.

Чэнь Юй рассказала Лян Цзинь, что после битвы она была тяжело ранена и чуть не умерла, но Лин Цанцюн отвёл её в Запретные земли и попросил древнего предка, достигшего уровня Формирования ядра, спасти её, и ей удалось выжить.

Лян Цзинь сама не испытывала особой обиды на Лин Цанцюна. Во-первых, потому что события были слишком далёкими: для Чэнь Юй и Лин Цанцюна это произошло всего несколько лет назад, и боль всё ещё была свежа, но Лян Цзинь переродилась, и в её памяти смерть родителей произошла двести лет назад, и боль уже утихла. Даже узнав о прошлом, она не хотела винить живых.